

Август

Я смерть как не люблю природы показной,
и не поймут меня ни молнии, ни громы.
Но я попал под августейший зной
и в рыбы жидкие хоромы.
И, как зеленые воздушные шары,
кусты на берегу раздулись постепенно,
и от медвежьей лапчатой жары
крушу с размаху водяные стены.
На грудь всей грудью прет ордастый лес,
и в августе густом я – как букашка в травах.
Сквозь дебри месяца я вскользь пролез.
Но дальше легче ли, скажи, о Боже правый!

Новогодняя fuga

Я под боком живу у новогодья,
не то задумчиво, не то навеселе,
и все солено-горькие угодья –
как скатерть-самобранка на столе –
разостланы. И пробки из бутылок

не выбивает старая судьба.
Сижу спиной к бывшему, а в затылок
бабахает безмолвная пальба.
И пробираюсь я сквозь дебри января –
седые ледяные громоздины.
И кажется, что стал я пьян, варя
во ржавом котелке мыслительные льдины.
Природа восстает со сна, как древле ода,
а скатерть-самобранка на столе
и стелется все дальше год от года,
и перебранка сыплет по земле
метелицей, и телятся коровы –
галактики в божественном хлеву...
Вопросы, как послед, сизо-багровы,
и как-то боком я еще живу.
Пусть боком, но зато и избоченясь.
Стучу и падаю – ну что из бочки гром.
Еще живу, что квас шипучий, еле пенясь,
и, из последней мочи ерепенясь,
я боком выхожу, и оком, и нутром.
1974

* * *

Что же ходишь ты возле жизни?
Ах, не думай и не гадай!
Хоть единой слезинкой брызни
или слово, как руку, дай!
Протяни! (Не на отсечение!)
Ну а я тебе поручусь
за торжественное мученье
всех пяти оголенных чувств,
за святое четвертованье,
за изломанный костный хруст
и за то, что я, как сознание,
всеобъемлющ и, значит, пуст.
1967

Веселый поселок

Ей-богу, вид убогий за окном,
и около коробки иль колоды
идет с портфелем ежедневный гном,
пустосердечный и густобородый,
весьма разумный выкидыш природы.
И вот, как при Бианте, все при нем:
желудок, мозг, получка и покупки,
и поступь человечья, и поступки.
Хотя в нутре он малость и поломан,
но отдавать себя в починку лень,
и, может статься, вовсе и не гном он,
а сам себе полузабытый гномон
и на несуществующий плетень
наводит он невидимую тень.
А хмурый городской бездомный день
стоит вокруг, как ультразвучный гомон,
и к беззаботным гномовым ногам
не пристают ни грязь, ни шум, ни гам.
С людьми связавшись, время веселилось,
и вот история проистекла:
деревья из бетона и стекла
во град Петров переселились.
Настаивает глупо зодчий черт
на тошной точности и праве линий
прямыми быть, и красоте аборт
он делает, а воздух так же сперт
и заперт, как в великом равелине.
Да и не черт! А так себе, бесенок,
под стать ветришке В-Ус-Не-Дую,
который вертит хвостиком спросонок
и в кубики играет врассыпную.
И вижу я поселок невеселый,
где не гнездятся даже воробьи,
где чахнет зелень и в кругу семьи
чирикают безбедно новоселы,
глядят по телевизору кино,
пьют водку, пиво, иногда вино,
мурлычут и играют в домино,

козла, как Азazelло, забывая,
«Шумел камыш» квартетом запевая,
и беды, и обиды забывая
и про себя легонько забывая.
Ох, мужики и наломали дров!
И все еще летят швырки косые,
кривоколенные. Красуйся, град Петров,
и стой в истории упрямо, как Россия!
1977

Сорок лет со дня смерти Андрея Белого

Лазурь черна...

О. Мандельштам

Был рунист и жирел, как валух.
А экран был – как ранка к ранке.
Жизнь, заверченная на штурвалах,
колесованная на баранке.
Распят был на себе, как Бог.
Молодец посреди богородиц.
О буддический скоморох,
изнасилованный юродец.
Во взошедший над веком лбище,
как в огромную полусферу,
когтем вписывала судьбища
и отчаяние, и веру.
Как малиновый куст, кипел
шут атласный в багровой рясе
и кровавые сгустки пел,
уходя навек восвояси.
В три пространства, как бес, свища
вдоль по осени оробелой,
мозгу ярого был свеча,
только мозг был белый-пребелый.

* * *

Когда живется мне, и я тогда живусь,
переживаясь от стены к обрыву.
А то скачу себе, не дуя даже в ус,
зато уж – до горы, и в хвост, и в гриву!

И, погоняя своего коня,
без шапки, без креста, без чекменя
я еду от меня ко мне через меня.
И, каждой Божьей вере изменяя
и ничего вокруг не присеня,
я думаю, как бы остаться живу.

Воистину, я круглый дурачина
посередине своего ума!
А жизнь – одна сплошная кортома.
Срядилась жить — готова котома,
и догорай, моя лучина!

Сильней всех истин – смерть. Но то-то и кручина,
что истина сама и есть кончина,
Иначе ведь она и не сама

Моление об истине

Мне истинки на час, помилуй Бог, не надо.
Я в прописи ее не стану проставлять,
общедоступную, – ну, будь она менада,
еще б куда ни шло, а то ведь просто блядь.
Гляжу на незатейливую шлюшку,
расставленную, как кровать,
и скучно верить мне в такую потаскушку,
и тошно херить мне желанье познавать.
Мне истины на жизнь, помилуй мя, не нужно,
она мне, как жена, едина и нудна,
недужно-радужна, всегда гундит натужно
и выпить норовит меня до дна.
От вечной истины мя, Господи, избави,
я на ногах пред ней не устою.
Но если в силах Ты, а я в уме и вправе,
подай мне, Боже, истину мою!
(24 февраля 1975. Моление об истине)

Мойка

Нынче день какой-то полоротый,
мой, чужой и все-таки ничей.

Вижу я на Мойке повороты
разогретых каменных плечей,

чаек над водой лениво-скользкой
и колонны княжеских хором,
где на лестнице мужик тобольский
пал от пуль, как бык под топором.

Воздух грязен – как белье для стирки,
и в корыте каменном река.
И кирпично-красный призрак Кирки
из бывшего смотрит свысока.

20 февраля 1977